

Демократия и слушание

Перевод с английского
Дмитрия Тимофеева
по изданию:
© Calder G. Democracy and
Listening // Problems of
Democracy: Language and
Speaking / М.-А. Crumplin (ed.).
Oxford: Inter-Disciplinary
Press, 2011. P. 125–135.
Публикуется с любезного
разрешения автора.

Гидеон Калдер

Доктор философии, профессор
социальной этики Центра социальной
политики Университета Южного
Уэльса.
Адрес: Llantwit Rd, Treforest, Pontypridd,
Mid Glamorgan CF37 1DL, UK.
E-mail: gideon.calder@southwales.ac.uk.

Ключевые слова: демократия;
слушание; говорение; инклюзия;
партиципация; Аласдер Макинтайр;
Джон Драйзек.

*... мы весьма часто без осознания успе-
ха представляем интерес тех,
кто в силу своих ограниченных воз-
можностей лишен права голоса.
Однако для того, чтобы являться
членом или быть представите-
лем или другом, нужно обладать
теми же чертами характера
и добродетелью, что требуется
от нас в повседневной жизни.*

Аласдер Макинтайр¹

Многие теоретические рабо-
ты, посвященные демократии,
весьма, а порой даже черес-
чур рефлексивны. При этом
авторы никогда не приводят
определений используемых
ими терминов. Одной из при-
чин тому является разнооб-
разие подходов к понятию
демократии, ни один из кото-
рых не может быть признан
истинным или окончатель-
ным. Однако что бы из себя
ни представляла демократия,
некоторая неопределенность
заложена в самой ее идее.

1. MacIntyre A. Dependent Rational Animals: Why Human Beings Need the Virtues. Chicago; La Salle: Open Court, 1999. P. 150.

Демократические теории активно используют понятие говорения — включения определенных голосов в процесс беспристрастного принятия решений. Однако природе и роли слушания в дискуссиях о демократии отводится крайне мало места, а часто они и вовсе не рассматриваются. Автор статьи пытается разобраться в возможных причинах такого положения дел, являющегося серьезным недостатком ведущей политической теории. Проблематика слушания представляется важной для всех моделей демократии, так как в центре их внимания лежит вопрос о том, каким образом разнообразные голоса влияют на принимаемые решения. Прежде всего это касается делиберативных теорий, главными чертами которых являются рефлексивность и партисипация (соучастие).

Опираясь на работы Аласдера Макин-тайра и Джона Драйзека, автор с разных

сторон освещает центральное значение слушания для демократии. Первый раздел статьи посвящен предварительным рассуждениям о недостатке внимания к слушанию в теоретических работах, а также о первостепенном значении слушания в политических практиках. Во втором разделе подробнее объясняется игнорирование слушания в демократической теории, а в третьем — представлен авторский взгляд на возможные причины пренебрежения слушанием. В последнем разделе анализируются отношения между партисипацией, делиберацией и инклюзией в демократический процесс тех, кто лишен своего голоса. В заключении формулируется вывод об удачной с этой точки зрения модели «дискурсивной демократии» Драйзека, позволяющей вписать значимость слушания в соответствующее ему нормативное пространство.

Должны ли утверждения, которые затрагивают ее сущность, рождаться по итогам демократического обсуждения? Иными словами, следует ли нам выяснять, как работают демократические процедуры, из кого состоит «народ» и т.д., *демократическим путем*?

Если мы говорим «нет», то демократия, скорее всего, будет построена на не вполне демократическом фундаменте, что может привести ко многим трудностям и внутренним противоречиям. Впрочем, даже в том случае, если мы считаем, что основные понятия демократии должны определяться по итогам предварительной дискуссии, нам предстоит столкнуться с довольно серьезными головоломками. Например: кто такие «мы», которые расчерчивают границы самого «мы»? Из кого состоит «народ», который задает структуру «народа»? Чьи голоса принимают решение о том, чьи голоса имеют значение? Подобные проблемы никуда не исчезают: дискуссия не может просто-напросто поставить вопросы и спокойно пойти дальше. Вопросы остаются неотъемлемой ее составляющей, не будучи разрешаемы окончательно. Дискуссия немыслима без рефлексивности. Язык, на котором ведутся беседы о демократии, не может все время восприниматься как нечто само собой разумеющееся.

Само по себе подобное обстоятельство ничуть не вызывает удивления. Нет ничего необычного в том, что участники дискуссии спорят друг с другом, предлагая различные интерпретации значения и границ ключевых понятий и ценностей. Это вполне привычное явление. Но когда мы привлекаем те факторы, что, как правило, игнорируются в основном направлении обсуждения, то привычные явления предстают в новом свете. Данная работа посвящена проблеме, которая вместо того, чтобы с полным правом занять главное место в дискуссии о демократии, практически не рассматривается в ней, а именно роли слушания.

Удивительно, но эта роль на первый взгляд не столь заметна. Ведь наша культура, по определению социолога Леса Бака, «скорее говорит, чем слушает»², а демократические движения вернее достигают политического успеха, если позиционируют в качестве своего главного преимущества возможность предоставить право голоса тем, кто до сих пор не был услышан. Вряд ли призыв «послушать кого-нибудь» имел бы ощутимое действие. То, насколько ясно и насколько эффективно мы слышим собеседника, зависит от того, как мы его слушаем.

Поразительно, сколь мало места в дебатах отводится обсуждению того, *что* есть слушание для личности или для институции и как его можно использовать в политических целях. Данная ситуация выглядит особенно странно, если учесть, что характер и динамика делиберации (переговорной практики) были чрезвычайно популярными темами теории демократии последних лет. Однако вопрос о слушании как самостоятельной практике, а также проблематизация его следствий и предпосылок рассматриваются крайне редко даже в делиберативных теориях.

Как пишет Эндрю Добсон, по логике вещей «принципиально важные для делиберации моменты, в которые потенциальные участники переговоров слышат друг друга... должны были подвергнуться глубокому анализу. Но этого не произошло»³. Добсон подчеркивает важность иерархии приоритетов именно потому, что обсуждение, дискуссия, дебаты, переговоры, диалог (все перечисленные термины тесно связаны, хотя между ними есть ряд отличий) *подразумевают*, что голоса собеседников будут услышаны. Происходит ли это, а если да, то как именно, — главный вопрос любой демократической практики или процедуры. Несом-

2. Back L. The Art of Listening. Oxford; N.Y.: Berg Publishers, 2007. P. 7.

3. Dobson A. Democracy and Nature: Speaking and Listening // Political Studies. 2010. Vol. 58. Iss. 4. P. 762.

тря на крайне рефлексивную природу демократической теории, структура и детали слушания, однако, остаются без внимания.

В следующем разделе я чуть более подробно расписываю, почему же так удивляет игнорирование слушания в демократической теории. Во втором разделе я представляю свой взгляд на возможные причины пренебрежения. В последнем разделе я анализирую отношения между партисипацией, делиберацией и инклюзией в демократический процесс тех, кто, по терминологии Макинтайра, лишен своего голоса.

1. «Глас народа»

Демократия, как известно, занимается соотношением голосований с принятием решений. Во всех значимых философских трудах, посвященных настоящей теме, мы обнаруживаем различные представления о том, каким образом следует проводить учет «гласа народа» и его обработку, а также о последующем его влиянии на законодательный процесс. Однако, несмотря на всеобъемлющий характер словосочетания в кавычках, ситуация оказывается чуть более запутанной. Если бы понятие «народ» было однозначным, то многие вопросы, касающиеся деталей, над которыми работают теоретики демократии, потеряли бы всю свою значимость.

Однако «народ» не является неоспоримым понятием, не является фиксированным или универсальным субъектом, который неким образом сам определяет свои границы или условия включения кого бы то ни было в собственный состав. «Народ» представляет из себя множество меняющихся голосов, желаний и чаяний, конкурирующих предпочтений — как в античном полисе, так и в современном Лос-Анджелесе. Теория демократии по большей части задавалась вопросом о том, что следует *делать* с этой множественностью, если целью является создание беспристрастной и организованной формы правления, где «глас народа» так или иначе займет главенствующую позицию.

Возникающие трудности отчасти эпистемологического характера: что на самом деле являет из себя «глас народа»? Начиная с Древних Афин возник ряд теоретических систем, отвечающих на этот вопрос. Партисипативная, репрезентативная, делиберативная модели, совмещаемые, в свою очередь, с тем или иным видом государственного устройства (либеральным, республиканским и т.д.), имеют как достоинства, так и недостатки. Одной из главных проблем является «выражение» людьми своего

голоса, высказывание взглядов, которые в дальнейшем должны быть тщательно обработаны и осмыслены.

Бытует мнение, что поднятая рука или крестик на бюллетене, опущенном в урну, по большому счету бессильны и не выражают чьей бы то ни было воли, что политические партии не могут воплотить чаяний своих избирателей и каких-либо граждан даже отчасти, что большинство всех перекрикивает, что какие-то голоса всегда остаются заглушенными, что возможны несостыковки между *выражением* людьми своих взглядов и предпочтений и иными допустимыми индикаторами их интересов. Любое изъятие права голоса — индивидуального или коллективного — имеет свои шероховатости, особенности и нюансы. Все их практически невозможно принять во внимание постфактум, в итоговом решении, в принятии которого эти голоса участвовали.

Однако чем пристальнее мы всматриваемся в рассуждения о «голосе», тем сильнее бросается в глаза то обстоятельство, что демократические теории почти ничего не говорят о слушании. Вместе с тем все демократические модели учитывают или подразумевают некий тип отношений между утверждением и его восприятием, то есть между говорящим и аудиторией. Из многообразия лаконичных определений демократии возьмем в качестве примера то, что принадлежит перу Дэвида Битама: «Демократия — это процесс принятия решений в любой группе, ассоциации или обществе, все члены которого имеют равные права на высказывание, их мнения при этом равнозначны»⁴.

Тот факт, что чья-то точка зрения будет надлежащим образом *выслушана*, является предпосылкой любой демократической процедуры: значит, говорящего услышат, а к его словам прислушаются. «Хорошее слушание» становится ключевой добродетелью (*virtue*) демократии. Как ныне признают даже те теоретики политики, которые придерживаются строго формалистских взглядов, добродетели (*virtues*) являются важнейшим дополнением для так называемой институциональной корректности, когда разговор затрагивает успехи демократии на практике. Демократическая структура сама по себе еще не обеспечивает того, что обещает нам демократия, будучи необходимым, но недостаточным основанием реализации устремлений последней. Требуется также наличие субъектов, которые желали бы принять участие в таком обсуждении, где их мнение будет услышано и учтено.

4. Beetham D. Democracy: A Beginner's Guide. Oxford: Oneworld, 2005. P. 2.

В демократической теории последних лет много внимания уделялось расширению возможностей доступа широкого спектра голосов к демократической дискуссии. Эта тема затрагивалась в общих рассуждениях представителями англо-американской и европейской традиций, которые стали более внимательны в отношении различий (в вопросах культуры, гендера, сексуальной ориентации и иных областях, связанных с возможным исключением) и лучше осознали необходимость проявления большей чуткости при их интеграции в политические модели. Это связано, помимо всего прочего, с резким повышением интереса к теме глобальной справедливости из-за усилившейся потребности в нахождении способа, с помощью которого можно было бы наладить диалог между Западом и его «Другими». Однако наряду с привычными мотивами теории демократии («предоставление голоса», «уполномочие», «права и обязанности граждан»⁵) упоминаний о слушании мы обнаружим лишь считанные единицы.

Создается такое впечатление, что если бы все (как минимум все заинтересованные) стороны вдруг получили возможность *высказаться*, то основная работа демократии была бы выполнена. Есть некоторые исключения, предлагающие критический взгляд на подходы к *слушанию* «гласа народа»⁶. Но в целом и целом записывание его рассматривается скорее как практическая, нежели философская, проблема.

Важнейшей теоретической задачей провозглашается предоставление пространства для говорения всем (всем заинтересованным) сторонам. Предоставление пространства для *слушания* считается вторичным, если вообще принимается во внимание. И обычно данный аспект не обсуждают, по крайней мере напрямую. Условия хорошего слушания и характер внимательности общества обзреваются в политических теориях и того же. Повторюсь: если демократия немыслима без права голоса, то рассмотрение направленной на слушание деятельности, ее предпосылок и связанных с ней сложностей принципиально важно для выяснения того, как должен звучать голос, чтобы иметь шанс быть услышанным.

5. Phillips A. The Politics of Presence. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 47.

6. См., напр.: Bickford S. The Dissonance of Democracy: Listening, Conflict and Citizenship. Ithaca: Cornell University Press, 1996.

2. Дефицит внимания

Итак, каковы же причины возникновения в демократической теории столь отчетливого пробела? Отчасти он обязан своим появлением определяющим признакам философской традиции, по-своему отражающимся и в политической практике. Можно предложить множество различных объяснений. Укажем некоторые из них, пускай они и выглядят довольно общими и неопределенными.

Первый фактор — идея приоритета говорящего над слушающим, распространенная как в философии, так и в представлениях о дебатах, дискуссии, переговорах и публичном диалоге. Как правило, мудрость признается за говорящим — скорее за автором текста, чем за его читателем. Сущность дискуссии — в словах (то есть на стороне говорящего): они обладают гораздо большим значением, чем восприятие их собеседником или тем паче молчаливым слушателем.

Как таковая политика — прежде всего говорение: вслед за Аристотелем, который впервые открыто сформулировал данное утверждение, почти все более или менее явно его признавали. У Аристотеля проводится разделение между «произнесением звуков» (или «голосом»), с одной стороны, и «языком» (или же «речью»), с другой стороны. Первое — лишь способность выражать удовольствие или боль, тогда как второе — это способность к высказыванию суждений о том, что является правильным, а что нет. В нашей ситуации наиболее удобно было бы перевести последний термин как «речь»: именно речь отличает людей от других животных, делая из них животных *политических*. Добсон пишет:

...политика как таковая определяется инклюзией и исключением. Признаком инклюзии являются право и/или возможность говорить, а признаком исключения — ущемление этого права или возможности (а часто и того и другого)⁷.

Из аристотелевского тезиса вытекает еще одно убеждение: среди участников обсуждения (как собеседников на микроуровне, так и большого сообщества, вовлеченного в диалог тем или иным образом) *активность* признается за говорящим, а не за слушающим. Итак, говорение указывает не только на компетенцию, но и на действие в самом широком смысле слова. Говорящий яв-

7. Dobson A. Op. cit. P. 753.

ляется активной, творческой стороной дискуссии, то есть эффективность ассоциируется скорее с заявлением, нежели со вниманием, и скорее с исходной активностью, нежели с реакцией.

В результате слушание, если оно вообще упоминается, определяется как пассивное. Великие речи записываются, включаются в антологии, мифологизируются; ораторские способности считаются признаком силы политика. Великому умению слушать подобной чести никогда не выпадает. Его сложнее оценить с точки зрения материального влияния или исторических последствий. Слушание остается почти незамеченным, видимо, прежде всего потому, что оно, как сказал Аристотель, не производит звуки и не оставляет следов.

Однако слушание — необходимая составляющая дебатов, дискуссий, переговоров и иных проявлений демократической активности. Нужна аудитория, чтобы произносимые звуки стали *речью*. А чтобы стать *говорящим* (а не «всего лишь» производителем звуков), необходимо быть слушателем. Слушание как таковое активно соединяет нас с другими и с миром. Именно эта связь помогает множеству голосов проявить себя и получить отклик. А значит, восприятие слушания в качестве не предвосхищающего, а реагирующего на акт говорения импульса — анахронизм, не соответствующий природе явления. Для появления демократического обмена мнениями слушание должно в буквальном смысле эмпирически возникнуть в тандеме с говорением и привести к рождению чего-то большего, чем просто неразборчивое, бесформенное сочетание шумов.

Слушание — такой процесс, которому свойственна готовность к неожиданностям, к прерывностям, к чему-то, что кажется неубедительным. Он открыт для корректировок и перемене направления мысли при появлении непредвиденной информации, аргументов, точек зрения и взглядов. Слушание как процесс, по выражению поэта Фионы Сэмпсон, «всегда не завершено и столь несовершенно»⁸. Но при этом оно составляет наиважнейший момент, от которого зависит возможность демократического обмена мнениями в обществе незнакомцев, — это точка пересечения множества конфликтующих интересов и голосов. Сьюзан Бикфорд называет слушание «конститутивным элементом выяснения дальнейших действий в конфликтной ситуации»⁹.

Итак, несмотря на то, что демократическая теория часто пре-

8. *Sampson F.* On Listening. Cambridge: Salt, 2007.

9. *Bickford S.* Op cit. P. 19.

небрегает проблемой слушания, у нас имеются серьезные причины рассматривать его как явление, необходимое демократии для ее развития, в качестве добродетели демократической практики в полном смысле этого слова. Добродетели, которая имеет вес не только для отдельных граждан, но и для институций.

3. Партиципация и зависимость

Партиципативные модели демократии нередко видятся наиболее подходящими из всех для выражения воли заинтересованных сторон, не имеющих возможности высказаться, — тех, кто обладает голосом, но лишен речи, по терминологии Аристотеля. Таковыми, например, являются будущие поколения, животные, дети, люди с психическими или умственными отклонениями. Для Роберта Гудина демократия являет из себя «процесс, все участники которого способны воспринять интересы друг друга и окружающего мира»¹⁰. Если это и правда так, то следует четко установить условия, при которых возможна партиципация и, соответственно, восприятие интересов других.

Ибо когда разговор идет об определенных формах активного участия, «лишенные речи» группы наверняка будут исключены из процесса. Представление о том, будто некто выступит от имени «лишенных голоса», соответствует скорее репрезентативной, нежели партиципативной, демократии. К тому же им подразумевается определенное притязание держателей речи на знание и понимание интересов тех, кто ее лишен. На первый взгляд всякая система, в которой безмолвные смещены своими «говорливыми» представителями, обладает патерналистскими и, быть может, гораздо более агрессивными и авторитарными тенденциями.

Итак, выражаясь проще, представлению о речи как полномочии говорить от имени других присущи патерналистские черты. Следовательно, его стоит избегать. Существуют такие виды демократической партиципации, в которых говорящий выступает независимо, абсолютно и единственно от имени *самого себя*. Однако они требуют более подробного и глубокого разбора, который до поры до времени придется отложить. Заметим лишь, что вопреки первому впечатлению они таят в себе кучу проблем. Можно было бы подумать, что «безголосые» (стало быть, зависимые от партиципативной энергии других) субъекты — не правило, а исключение.

10. Goodin R. Enfranchising the Earth, and its Alternatives//Political Studies. 2006. Vol. 44. Iss. 5. P. 844.

Но, как неоднократно подчеркивал Аласдер Макинтайр¹¹, это состояние зависимости и уязвимости не столь уж редкое, временное и нетипичное. Я полагаю, что оно широко распространено как среди отдельных субъектов, так и среди коллективов.

Образ автономного, самодостаточного, уверенного в себе, трудоспособного и рационального собеседника часто фигурирует в моральной и политической теории в качестве прототипической модели. Макинтайр же указывает, что он сам по себе является промежуточным и исключительным в сложной схеме человеческих характеров и что если его определяющей чертой называется «независимость», то речь идет скорее об удобном философском конструкте, чем о реальном человеке из плоти и крови. Ведь жизнь каждого из нас характеризуется не абсолютной автономией, а, наоборот, постоянной зависимостью от других. И чем больше мы ее осознаем, тем решительнее хотим от нее избавиться.

Иными словами, самостоятельность в традиционной подаче моральных и политических теорий — состояние временное. Говоря о взаимной зависимости, мы имеем в виду, что определенные добродетели (к примеру, образование или здравоохранение) являются заранее оговоренными условиями практической дискуссии, предполагаемой демократическими отношениями. Зависимость отражает нашу животную природу. Она предоставляет шанс достичь статуса полноценного участника практических обсуждений, энергичного и способного к размышлениям о самой природе процветания, и в то же время ограничивает эти возможности. То обстоятельство, что отношения зависимости являются определяющими, а вовсе не исключительными условиями человеческой жизни, приводит Макинтайра к утверждению, вынесенному нами в эпиграф статьи: добродетели личности, возникающие в таких отношениях, могут быть поняты шире как необходимые нам для жизни в целом. Если мы хотим выступать в качестве представителей, это требует от нас особого направления мысли и набора умений. Но если мы воспримем их в качестве добродетелей, они примут иной масштаб. Ведь, учитывая в первую очередь текущую ситуацию и уязвимость отношений, мы получаем возможность воздействовать на общие аспекты человеческой жизни, как правило игнорируемые нормативной теорией.

Безусловно, большая часть ярчайших дискуссий последнего времени о демократии касалась делиберативной модели. совме-

11. *MacIntyre A. Op. cit. P. 150.*

щая делиберацию и партисипацию, мы переносим акцент с самих решений на их обоснования и предпосылки, а также способы достижения. По словам Авнера де-Шалита,

...мнение, утверждающее, что участие в переговорных практиках есть наиболее значимый компонент демократии, подразумевает, что политические решения и действия являются не столько результатом переговорного процесса, сколько его частью и, стало быть, само это участие (то, как мы что-либо обсуждаем) должно быть вынесено на обсуждение¹².

Итак, делиберация оказывается углублением партисипации: иначе говоря, она не только применима к решению отдельных вопросов, но также сама может стать частью «правил процедуры обсуждения и способом их реализации»¹³. В том случае, если делиберативная модель учтет замечания Макинтайра, ее приоритетом станет построение посреднических отношений. Однако данный аспект в либеральной политической теории в подробностях не разрабатывается: обычно она говорит лишь о взрослых и половозрелых людях, тогда как статус детей и других субъектов, не попадающих под эту категорию, упоминается лишь косвенно или остается без внимания.

Как пишет Фрэнк Каннингем, сторонники делиберативной демократии считают, что предлагают альтернативу классическим либеральным (а точнее говоря, утилитарным) представлениям, согласно которым «граждане [принимают участие] в демократическом процессе с заранее заданными предпочтениями, которые они стремятся осуществить с помощью демократических институтов и правил»¹⁴. Модель не является рефлексивной: ей подразумевается *агрегативное суммирование* заданных индивидуальных и изолированных друг от друга предпочтений, а не оценивание или обмен взглядами касательно них.

Отсутствие рефлексивности влечет за собой эпистемическую слепоту в отношении субъектов, лишенных речи. Необходимо учитывать, что в контексте агрегации мнений, уделяющем мало внимания особенностям посреднических взаимоотношений, последние не будут восприняты с должной серьезностью. Интере-

12. *De-Shalit A.* The Environment Between Theory and Practice. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 145.

13. *Benhabib S.* Towards a Deliberative Model of Democratic Legitimacy // Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political / S. Benhabib (ed.). Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 70.

14. *Cunningham F.* Theories of Democracy. N.Y.; L.: Psychology Press, 2002. P. 163.

сы тех, кто лишен речи, время от времени действительно проглядывают в заявлениях их представителей. Но нет никакой гарантии, что они будут кем-то замечены: все зависит от прихоти избирателя. Важнейшим качеством процесса, правила и рамки которого могли бы (пускай и в теории) определяться в результате переговоров, является именно гарантия того, что будет услышан весь спектр голосов и при этом останется пространство для учитывания позиций и интересов тех, кто обладает голосом, но лишен речи.

До тех пор пока не будут представлены все голоса, демократия всегда будет хотя бы частично включать в себя говорение от имени других. Вот поэтому, как утверждает Макинтайр, это всегда несовершенный процесс (как, быть может, и само выступление от чьего-то лица) — дискомфортный, медленный, сложный и лишенный всякого ощущения завершенности, однако при всем том неизбежный. Эпистемический и нормативный аспекты слушания имеют для него принципиальное значение, так как представители, если они не хотят, чтобы отношения приобрели подавляющий, контролирующий или открыто патерналистский характер, должны прислушиваться к голосам тех, от чьего лица они выступают.

4. Слушание и инклюзия

Хотя Джон Драйзек в своих работах и не развивает тему слушания подробно, его система прекрасно подходит для объяснения ее значимости. Философ различает дискурсивную и делиберативную демократию. Первая делает больший акцент на рефлексивности, уделяя той глубокое внимание. Драйзек описывает ее так:

...дискурсивная демократия должна быть плюралистичной, чтобы принять необходимость общения в среде, состоящей из сложных элементов, не умаляя ее сложности; она должна быть рефлексивной при постановке вопросов к устоявшимся традициям (в том числе к делиберативной модели); она должна оказаться международной, будучи способной преодолевать границы и применяться даже в тех странах, где отсутствует конституционная база; должна быть экологически ориентированной в смысле открытости к коммуникации с природой; должна быть энергичной и готовой к постоянно меняющимся ограничениям и возможностям демократизации¹⁵.

15. *Dryzek J. Deliberative Democracy and Beyond. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 3.*

Подобный подход восприимчив к слушанию по трем связанным друг с другом причинам. Во-первых, дискурсивная демократия характеризуется как динамическое, а не статическое явление. Подобно слушанию в определении Сэмпсон, она абсолютно открыта к полному изменению текущего положения дел и является «рефлексивной при постановке вопросов к устоявшимся традициям». Во-вторых, она плюралистична в своем подходе к тому, что считать голосом. Но, пожалуй, главная причина — различие, которое Драйзек проводит между делиберативной и либерально-демократической моделями демократии (включающими более ранние, по его мнению, версии делиберативной демократии).

В либеральном подходе, от которого он старается дистанцироваться, переговорная практика предполагает верность политическим принципам и конституционным правилам, заранее уже определяющим, что будет считаться голосом, или «рациональной» точкой зрения или репликой в дискуссии, если точнее. Так, для Джона Ролза, говорящего о своем позднем понимании демократии как о делиберативном, «основные дискуссии должны проходить в рамках того, что каждый из граждан-участников считает политической концепцией справедливости, основанной на ценностях, которые все остальные, как предполагается, разделяют»¹⁶.

В другом месте я уже писал о том, что этот тип предполагаемого консенсуса имеет весьма узкие рамки¹⁷. Можно лишь добавить, что достижение подобной договоренности о политических ценностях неизбежно предполагает принятие решения не прислушиваться к определенным типам голосов. Демократическая модель Драйзека, напротив, вместо того чтобы просто определить общие условия обсуждения и закрепить их в качестве правил, остается открытой для неконституциональных, заранее не предусмотренных законами, неформальных и структурных факторов содействия и ограничений. Таким образом, она проявляет больше чуткости в отношении к маргинализированным или нетрадиционным голосам, активно включая их в дискуссию.

В партисипативных моделях демократии и отдельных их версиях, представленных сторонниками делиберативной и дискурсивной моделей, социальная инклюзия является одновременно и предпосылкой, и результатом успешной работы демократии.

16. Rawls J. Political Liberalism. N.Y.: Columbia University Press, 1993. P. 226.

17. См.: Ceva E., Calder G. Values, Diversity and the Justification of EU Institutions//Political Studies. 2009. Vol. 57. Iss. 4. P. 828–845.

Возможным (привычным) путем достижения цели является добавление в дискуссию новых голосов. Отголоски различных аспектов одной из главных тем книги Макинтайра обнаруживаются во множестве работ последних лет, авторы которых стремятся прежде всего определить место тех проблем, интересов и ориентаций (в широком спектре смыслов этих понятий), что остались вне поля зрения демократии. Ибо задача в нашем случае заключается в том, чтобы развенчать иллюзию, согласно которой полноправными политическими субъектами (что бы под этим ни подразумевалось) являются лишь те, чьи голоса подлежат подсчету, и в дальнейшем состав их группы можно ограничить теми, кто лучше других подходит под определение автономных личностей, каким-то чудом ставших независимыми.

Однако инклюзия все еще осуществляется вышеупомянутыми представителями — и в этом смысле, кажется, до сих пор отражает персональные пристрастия и определенные эпистемические ограничения, проистекающие из их подхода. Ведь далеко не все обладают способностью слушать, а тем паче слушать эффективно. С другой стороны, попытки определить, какие голоса имеют большее значение в принципе или в данный конкретный момент, — это неотъемлемая составляющая любой демократической теории. Ослабление эпистемических границ или открытие каналов для включения голосов, которые раньше не были слышны, ничего не меняет — оно только укрепляет систему. Категории, согласно которым производится разделение, временны и ненадежны, но они будут применяться всегда, поскольку иначе мы не сможем отличить коммуникативные сигналы от обычного шума, а шум — от тишины.

Подчеркивая роль слушания, мы вместе с тем предостерегаем против неразличения онтологии и эпистемологии — смешения данности с тем, что мы о ней *знаем* или *можем знать*, либо реальности, как она есть в себе, с сегодняшними нашими ее категоризациями. Брать слушание в качестве ориентира — значит направлять себя на то, что противоречит ожиданиям, проблематизирует установленные границы или еще каким-нибудь способом изменяет существующее положение вещей.

Рассмотрев проблему с нескольких сторон, в настоящей статье я хотел обратить внимание на общий изъян многих моделей демократии — отсутствие в них рефлексии о слушании, которое должно было бы играть важную роль. Речь идет не о столько том, что слушанием пренебрегают или же его презирают. Его, скорее, не замечают, и это приводит к образованию своего

рода лакуны и появлению «дефицита внимания» как в теоретических характеристиках институтов, так и в привычной демократической практике. Лишенные избирательных прав не имеют не только голоса, но и аудитории. Тот, кто говорит от лица других без должного рассмотрения особенностей их положения, не только пустословно и самонадеянно вступает в представительские отношения, но еще и отрицает саму важность слушания. Убеждение в том, что необходимо сосредоточиться на речи, а слушание придет само собой, содержит своего рода перформативное противоречие, поскольку говорение как таковое зависит от слушания. А *демократическое* говорение в значительной степени зависит от того, прислушиваемся ли мы к тем, чьи голоса до сих пор не были услышаны.

Литература

- Back L. The Art of Listening. Oxford; N.Y.: Berg Publishers, 2007.
- Beetham D. Democracy: A Beginner's Guide. Oxford: Oneworld, 2005.
- Benhabib S. Towards a Deliberative Model of Democratic Legitimacy // Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political / S. Benhabib (ed.). Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 67-94.
- Bickford S. The Dissonance of Democracy: Listening, Conflict and Citizenship. Ithaca: Cornell University Press, 1996.
- Cunningham F. Theories of Democracy. N.Y.; L.: Psychology Press, 2002.
- De-Shalit A. The Environment Between Theory and Practice. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Dobson A. Democracy and Nature: Speaking and Listening // Political Studies. 2010. Vol. 58. Iss. 4. P. 752-768.
- Dryzek J. Deliberative Democracy and Beyond. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Goodin R. Enfranchising the Earth, and its Alternatives // Political Studies. 2006. Vol. 44. Iss. 5. P. 835-849.
- MacIntyre A. Dependent Rational Animals: Why Human Beings Need the Virtues. Chicago; La Salle: Open Court, 1999.
- Phillips A. The Politics of Presence. Oxford: Oxford University Press, 1998.
- Problems of Democracy: Language and Speaking / M.-A. Crumplin (ed.). Oxford: Inter-Disciplinary Press, 2011. P. 125-135.
- Rawls J. Political Liberalism. N.Y.: Columbia University Press, 1993.
- Sampson F. On Listening. Cambridge: Salt, 2007.
- Ceva E., Calder G. Values, Diversity and the Justification of EU Institutions // Political Studies. 2009. Vol. 57. Iss. 4. P. 828-845.

Democracy and Listening

Gideon Calder. PhD in Philosophy, Professor of Social Ethics at the Centre for Social Policy of the University of South Wales.

Address: Llantwit Rd, Treforest, Pontyp-ridd, Mid Glamorgan CF37 1DL, UK.
E-mail: gideon.calder@southwales.ac.uk.

Keywords: democracy; listening; speech; inclusion; participation; Alasdair MacIntyre; John Dryzek.

Theories of democracy deal extensively with speech, e. g. with the inclusion of appropriate voices, and their inclusion in a just decision-making process. Yet analysis of the nature and role of listening is noticeably scarce in such discussions, and often altogether absent. This article considers possible sources of this deficit, and argues that it represents a serious shortcoming in mainstream political theory. This applies to all models of democracy, in so far as they are concerned with how different voices contribute to the making of decisions—especially in the case of deliberative accounts, prioritizing the value of reflexivity and participation.

References

- Back L. *The Art of Listening*, Oxford, New York, Berg Publishers, 2007.
- Beetham D. *Democracy: A Beginner's Guide*, Oxford, Oneworld, 2005.
- Benhabib S. Towards a Deliberative Model of Democratic Legitimacy. *Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political* (ed. S. Benhabib), Princeton, Princeton University Press, 1996, P. 67–94.
- Bickford S. *The Dissonance of Democracy: Listening, Conflict and Citizenship*, Ithaca, Cornell University Press, 1996.
- Ceva E., Calder G. Values, Diversity and the Justification of EU Institutions. *Political Studies*, 2009, Vol. 57, iss. 4, P. 828–845.
- Cunningham F. *Theories of Democracy*, New York, London, Psychology Press, 2002.
- De-Shalit A. *The Environment Between Theory and Practice*, Oxford, Oxford University Press, 2000.
- Dobson A. Democracy and Nature: Speaking and Listening. *Political Studies*, 2010, Vol. 58, iss. 4, P. 752–768.
- Dryzek J. *Deliberative Democracy and Beyond*, Oxford, Oxford University Press, 2000.
- Goodin R. Enfranchising the Earth, and its Alternatives. *Political Studies*, 2006, Vol. 44, iss. 5, P. 835–849.
- MacIntyre A. *Dependent Rational Animals: Why Human Beings Need the Virtues*, Chicago, La Salle, Open Court, 1999.
- Phillips A. *The Politics of Presence*, Oxford, Oxford University Press, 1998.
- Problems of Democracy: Language and Speaking* (ed. M.-A. Crumplin), Oxford, Inter-Disciplinary Press, 2011.
- Rawls J. *Political Liberalism*, New York, Columbia University Press, 1993.
- Sampson F. *On Listening*, Cambridge, Salt, 2007.